

ЛИЦО
НА ПАКЕТЕ МОЛОКА

**КТО-ТО ИЩЕТ ТЕБЯ
ПО ВСЕЙ СТРАНЕ**

КУЛЬТОВАЯ ИСТОРИЯ 90-х

МОЛОКО. Кто-то разыскивает тебя
по всей стране. Культовая история

Кэролайн Кунни

Лицо на пакете молока

«ЭКСМО»

1990

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Куни К. Б.

Лицо на пакете молока / К. Б. Куни — «Эксмо»,
1990 — (МОЛОКО. Кто-то разыскивает тебя по всей стране.
Культовая история)

ISBN 978-5-04-110668-3

Дженни – самая обычная девочка-подросток. Она ходит в школу, болтает по телефону с подружками, влюблена в соседского парня. У нее идеальный дом и любящие родители. Но однажды она видит изображение пропавшей девочки на коробке молока и узнает в ней себя... Вся ее жизнь теперь кажется ей обманом. Она не верит, что ее родители способны похитить ребенка. Но почему тогда ей не показывают свидетельство о рождении, в доме нет детских фотографий, а внешне она совсем не похожа на маму с папой? Ей предстоит выбрать – притвориться, что ничего не произошло, и забыть обо всем или разгадать эту загадку и узнать всю правду о своем прошлом.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-110668-3

© Куни К. Б., 1990

© Эксмо, 1990

Содержание

I	6
II	12
III	17
IV	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Кэролайн Куни

Лицо на пакете молока

Caroline B. Cooney
The Face on the Milk Carton

© Caroline B. Cooney, 1990

© Андреев А. В., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

I

Дженни закончила сочинение. Ей никогда не удавалось угадать, какую оценку поставит за работу учитель мистер Брайлоу. Каждый раз, когда она писала его шуточно, он говорил, что хотел более серьезный текст, а при серьезной работе оказывалось, что нужно было наоборот.

На дворе стоял октябрь. Темно-синее небо пульсировало. Девушка чувствовала, что с каждым порывом ветра, срывающего листья с деревьев, ее тоже словно куда-то тянет. Появлялось желание сесть за руль и укатить куда глаза глядят. На самом деле Дженни было всего пятнадцать лет, она мечтала водить машину и уже начала брать уроки. Ей вспомнился вчерашний разговор родителей.

Как обычно, они заняли противоположные позиции. Сидя друг напротив друга, словно члены состязающихся команд дискуссионного клуба, мать с отцом спорили, пока не прозвучал беззвучный сигнал истечения времени, отведенного на дебаты. После они быстро пришли к соглашению. До этого момента мама настаивала, что Дженни пора сесть за руль, а папа считал, что рано.

– Ведь она еще ребенок, – говорил он заботливым отцовским тоном, который так сильно выводил ее из себя.

– Джейн уже взрослая девушка, – не соглашалась мама. – Ей через год школу заканчивать.

– Ужас какой-то, – ворчал отец. – Не хочу, чтобы она выросла. Пусть моя маленькая девочка остается маленькой.

С этими словами он накрутил прядь волос дочери на руку. У Дженни были потрясающие волосы: огромная копна непослушных, кудрявых, рыжих, словно жидкое золото, волос. Ее лучшая подруга Сара-Шарлотта говорила: «Волосы Дженни – это серьезно».

– Наверное, ты и правда выросла, – с неохотой согласился отец. – Зря я надеялся, что этого не произойдет. Ладно, сдаюсь, можешь водить.

Во время урока английского Дженни улыбалась. Осенью у ее отца, который работал бухгалтером, было свободное время для работы со школьной спортивной командой. Сегодня у него будет тренировка или игра, а потом, когда папа вернется домой, они смогут поехать на машине.

Перечитав сочинение еще раз, она его подписала. В последнее время девушка постоянно меняла собственное имя – Джейн казалось ей слишком скучным. В прошлом году она была Джен. Одна буква ничего особенного не меняла, но казалось, что при написании выглядело как-то взрослее, а также индивидуальнее и выразительнее. К фамилии Джонсон она добавила букву «т», так что получилось Джен Джонстон.

У ее лучших подруг были оригинальные и сложнопроизносимые имена: Сара-Шарлотта Шервуд и Адаир О’Делл. Она поражалась, как ее родителей, у которых была такая распространенная и обыденная фамилия, как Джонсон, угораздило дать ей банальное имя. Почему нельзя было назвать ее Скарлетт, Аллегрой или хотя бы Роксаной?

И вот сейчас ей снова захотелось новенького: пришлось добавить к «т» букву «у» в фамилии и вернуть «й» к имени. Получилось Джейн Джонстоун. Так, наверное, зовут девушек, которые работают дизайнерами ярких, усыпанных блестками платьев или красавиц, демонстрирующих призы в передачах-викторинах на ТВ.

– Центр управления полетами вызывает Дженни, – послышался голос мистера Брайлоу.

Она начала краснеть при мысли, что учитель уже давно пытается привлечь ее внимание.

– Все зачитывают свои сочинения вслух, – продолжал он. – Хотим, чтобы и ты поделилась своим.

Девушка покраснела еще сильнее и закрыла ладонями щеки, чтобы этого не было видно.

– Не делай так, – произнес Пит. – Хотя это так мило, когда твое лицо одного цвета с волосами.

Она представила, что ребята обсуждают за спиной ее прическу, и покраснела еще сильнее.

У Дженни никогда не было парня. Во время вечеринок ее часто приглашали танцевать, она всегда была окружена людьми и пользовалась вниманием, но еще ни один парень не сказал: «Я хочу быть только с тобой».

Мистер Брайлоу повторил свою просьбу. Она почувствовала, что краска отлила от лица, – девушка начала бледнеть, и накатила дурнота. Ей не улыбалось вставать со стула и слышать собственный голос в тишине классной комнаты. Но тут прозвенел спасительный звонок. Обеденный перерыв пришелся как нельзя вовремя. Хотя следующим уроком шел английский, было около получаса, чтобы успеть и поесть, и, возможно, написать более интересную работу.

На еду она много времени не тратила. Недавно Дженни поставили диагноз – непереносимость лактозы. Смысл этого премудрого выражения сводился к тому, что после молока у нее начинал болеть живот. Доктора и родители запретили пить молоко и есть мороженое.

Вот только в рюкзаке лежали бутерброды с арахисовым маслом, которые вкуснее всего есть именно с молоком. «Как же мне надоел этот фруктовый сок», – подумала она.

С начала учебного года во время обеда она сидела за столом с Питом, Адаир, Сарой-Шарлоттой, Джейсоном и Катриной. Девушке безумно нравились все эти имена – казалось, что все они шикарно звучат.

В прошлом году (до того, как она начала мечтать о водительских правах) Дженни все время думала о своей будущей семье. Представить, каким будет ее будущий муж, не получалось, зато дети виделись прекрасно: две чудесные девочки, которых она назовет Деним и Лэйс. Все ее мысли были заняты малышками. Даже когда они вместе с Сарой-Шарлоттой были в торговом центре, девушка заходила в обувной магазин и разглядывала милые кроссовки для детей, размышляя, какую красивую одежду купит для дочек.

Но потом поняла, что выбранные имена были просто ужасными. Если Дженни действительно их так назовет, то супруг сто процентов подаст на развод. Еще и выиграет суд, где получит над дочерьми право опеки только по той причине, что ни один человек в здравом уме не назовет собственных детей Деним и Лэйс. Придется подобрать дочерям какие-нибудь более адекватные имена вроде Эмили и Маргарет.

Вместе с одноклассниками они толпой спустились по широкой лестнице, прошли через просторные залы, чтобы попасть в невероятно маленькую школьную столовую. Ученики жаловались на то, что здание было не очень хорошо продумано – много места, где можно находиться во время перемены, но при этом его полное отсутствие в столовой. Хотя на самом деле они были рады, что их засунули, как сельдь в бочку. Можно было ухватить чипсы из чужого пакета, поделиться секретом, чтобы его как бы между прочим могли услышать другие, передать записку понравившемуся парню и просить тех, кто стоит в очереди, взять для тебя второй пакет молока.

Все, кроме Дженни Джонсон, взяли эти маленькие пакетики, причем настолько маленькие, что, чтобы напиться, их нужно было выпить штуки три – вот тогда хватило бы. Только работники столовой не разрешали. Девушка завидовала всем остальным, пившим густое, вкусное, белое молоко.

«А я здесь сижу со своим клюквенным морсом», – с грустью подумала она.

– Итак, кого там у нас на этот раз украли? – тон у Сары-Шарлотты был такой утомленный, словно она страшно переживала по поводу всех похищенных детей в мире.

Сара-Шарлотта терпеть не могла, когда ее называли неполным именем. В прошлом году она с трудом достигла взаимопонимания с учителем, который настаивал на том, чтобы называть

ее просто Сарой. Девушка несколько месяцев испепеляла его взглядом, после чего тот начал обращаться к ней мисс Шервуд. Это успокоило обоих.

Она пригладила ладонью белокурые волосы, которые выглядели так аккуратно, словно Сара-Шарлотта вырезала их из журнала и наклеила себе на голову. Копна волос Дженни и две минуты не могла удержаться в неизменном состоянии, так что ее иногда было практически не видно из-за свисающих рыжих кудрей. Она совершенно не понимала, как подруге удается держать прическу в таком идеальном состоянии. Однажды та высказала свое мнение: «У меня примерно на миллион волосинок меньше, чем у тебя».

Все повернули пакеты с молоком так, чтобы видеть напечатанную на них фотографию очередного похищенного ребенка – их печатал местный молокозавод. Каждые несколько недель появлялось новое изображение.

– Не представляю, как вообще можно узнать человека, которого в трехлетнем возрасте украли в торговом центре в Нью-Джерси, если с тех пор прошло почти двенадцать лет, – произнесла Адаир. – Это же нереально!

Она была стройной и изящной, как ее имя, с темными волосами, которые блестели, словно девушка только что вышла из салона красоты.

Дженни пила сок из картонной упаковки и представляла, что это молоко. С противоположного конца столовой ей помахал рукой живший рядом с их домом Рив, который учился в выпускном классе. Он был известен тем, что никогда не делал домашку. Судя по всему, его единственным желанием в жизни было попасть в Книгу рекордов Гиннеса в номинации «Никогда не выполняет домашнее задание, но иногда получает четверки». Правда, чаще, конечно, это были тройки и двойки. По этой причине директор ему сообщил, что если он не подтянет учебу, то ему придется остаться на второй год.

Рив был самым младшим ребенком в семье. Еще у него были две сестры и брат. Все они поступили в престижные университеты: Корнеллский, Принстон и Стэнфорд. Ребята были в ужасе от оценок, которые получал их младшенький, и не скрывали своего отношения, когда приезжали домой на каникулы.

Он же перестал разговаривать со всеми родственниками, старался меньше времени проводить дома и ужинал с семьей Дженни. Дошло до того, что вчера вечером ее мама сказала:

– Мне, видимо, придется брать с твоих родителей деньги на продукты.

– Простите, – сдавленным голосом ответил Рив. – Я больше не буду приходить.

Отец Дженни в шутку пихнул его в бок:

– Перестань! Ты с легкостью можешь есть у нас, а спать дома. Когда-нибудь отплатишь нам за услугу.

– Ну, да, – мрачно ответил парень. – Когда стану сантехником, буду вам засоры бесплатно прочищать.

– Не говори глупостей. Соберись, подтяни учебу... – мистер Джонсон запнулся и снова в шутку пихнул того. – А вообще, давайте поговорим о чем-нибудь другом. Угощайся! Там брауни с мороженым.

Они знали о жизни Рива все то, что он пытался утаить. Но его мать все равно делилась переживаниями с соседями. Складывалось ощущение, что парню некуда спрятаться: он всегда жил в этом городе, всегда ходил в эту школу... Вчера вечером он поделился с Дженни, что хочет уехать в большой город, где будет обычным, никому не знакомым человеком. Девушка с грустью подумала о собственных имени и фамилии – они словно созданы для анонимной жизни.

Сара-Шарлотта частенько говорила, как классно было бы для Дженни отправиться с Ривом на свидание. Дело в том, что подругу в отличие от нее совершенно не волновало получение водительских прав, она хотела постоянного парня. Ее идеал: красивый, мускулистый, умный, вежливый и богатый. Рив подходил по всем категориям, кроме одной.

– Если он сам не пригласит тебя, это может сделать кто-нибудь из его друзей, – рассуждала девушка.

Дженни и сама думала на эту тему. В прошлом году многие парни из выпускного класса встречались с девчонками, которые были моложе. А вот ребята из выпускного класса этого года, кажется, только злились, что им приходилось находиться с учениками младших классов в одном здании. Дженни выглядела моложе своего возраста – за последний год она выросла, но все равно была ниже одноклассниц.

Дженни отличалась от подруг: Адаир и Сара-Шарлотта становились высокими продвинутыми девушками, умели правильно отвечать на колкости, чем она сама не могла похвастаться. Она была «милой». Как же Дженни ненавидела это слово, которым ее все время характеризовала мама. Милыми, по ее мнению, могли быть маленькие дети и котята. Парни же не приглашают на свидания милых маленьких девочек. Они предпочитали уверенных и модных, как, например, Адаир и Сара-Шарлотта.

Да и как вообще можно было рассчитывать на возможность ходить на свидание, если родители не разрешали ей одной выезжать даже в торговый центр. Они никогда не отпустят ее на свидание с мальчиком.

Дженни помахала Риву в ответ.

«Интересно, – подумала она, – а если бы меня действительно звали Джейн Джонстоун, может, он бы не просто мне помахал?»

Девушка вдруг ощутила, как на нее накатывает легкая грусть. Она посмотрела в окна столовой: сквозь них светило яркое солнце, в его лучах витали пылинки.

С левой стороны практически у нее на коленях сидел Пит. Он залпом выпил молоко и раздавил бумажный пакет в кулаке. Почему-то парням нравилось так делать. Когда они пили газировку из банки, то всегда расплющивали алюминий ногой и потом с гордостью осматривали плоскую банку.

– Мама говорит, что никого из этих детей на самом деле не крали, – заявил Пит. – Она говорит, что все это всего лишь хайп.

Дженни не сразу поняла, что друг имеет в виду фотографию лица, напечатанную на обратной стороне бумажного пакета.

– Как это? – спросила она и принялась есть свой бутерброд. Все-таки арахисовое масло – идеальная еда, к ней подходит все: бананы, маршмеллоу и, конечно же, молоко, которого сейчас очень не хватало.

– Все просто, – объяснил Пит. – Родители разводятся, потом один из них сходит с ума, забирает ребенка и уезжает, ничего не сказав другому. Так что ситуаций, когда ребенка выкрадывают незнакомые люди, просто не бывает.

– Подожди, хочешь сказать, что никто детей не крадет? – переспросила Сара-Шарлотта с нотками разочарования в голосе и драматично развела руками. Для последнего действия места в столовой не было, и сидевшие рядом предусмотрительно отодвинули от девушки свои железиновые десерты со взбитыми сливками, чтобы она не задела их руками.

– Значит, никому не нужен выкуп?! Никого не пытаются?! – воскликнула она.

«Интересно, насколько у меня сильная аллергия на молоко? – думала Дженни. – Умру я, если выпью один пакет? А если это произойдет, то надпись на моей могиле будет до безобразия скучной: “Здесь покоится Джейн Джонсон”. Надо будет оставить пожелание, чтобы написали “Джонстоун”». Она покачала головой.

Пит и Джейсон тут же возмутились, потому что подруга отхлестала их по лицам своими рыжими прядями.

– Что вы от меня хотите? Может, сетку прикажите на голове носить?

– Еще есть вариант: попросить сделать пристройку к столовой, – ответил Питер, и все рассмеялись.

Дженни в ответ несколько раз с силой тряхнула волосами. Мальчишки отстранились и начали бросать в нее чипсами.

После этой забавы она наконец сделала то, о чем мечтала, – протянула руку, взяла стоящий перед Сарой-Шарлоттой пакет молока и выпила его. Вот теперь все было идеально: бутерброды с арахисовым маслом и молоко. Она поставила пустой пакет на стол. На нее уставилась девочка с фотографии, которая была очень плохого качества.

– Ты готова к контрольной по алгебре? – поинтересовался Джейсон у Адаир.

– До того как поела, была готова. Как думаешь, препод отпустит с урока, если у меня будет пищевое отравление?

А Дженни продолжала разглядывать фотографию. Там была изображена совершенно обычная и ничем не выделяющаяся девочка: волосы заплетены в косички, светлое платье в горошек с узким белым воротничком... Внезапно на девушку словно опустилась грозовая туча – в глазах потемнело, в горле пересохло, хотя удалось выдать имя подруги:

– Сара-Шарлотта...

Казалось, что она кричит, но губы не двигались, из открытого рта не вырывалось ни звука. Джейн хотела протянуть руку и дотронуться до Сары-Шарлотты, но рука не слушалась и не двигалась, она безвольно лежала на картонке из-под молока. Было ощущение, что это чья-то чужая рука. В голове не укладывалось, что она могла накрасить ногти таким цветом и надеть на палец такое постыдное кольцо.

– Ты мое молоко выпила, – пробурчала подруга.

– Это моя фотография, – прошептала Дженни.

Голова раскалывалась. Неужели ее так быстро «накрыла» аллергия? Или просто сходит с ума? Неужели подобное может случиться с человеком так быстро? Она думала, что это долгий процесс.

Девушка представила, что сойти с ума можно мгновенно, как теряют ключи от машины или роняют куда-нибудь мелочь. Получается, с ней это произошло только что в школьной столовой.

– Какая фотография? – спросил Питер.

– Фотография девочки на картонке, – прошептала она абсолютно ровным бесчувственным голосом. – Это я.

Джейн вспомнила то платье... вспомнила, как жал узкий воротник... вспомнила, как болтались косички.

– Я понимаю, что тебя достала школа, – заявила Сара-Шарлотта. – Но утверждать, что тебя когда-то украли, – это уже слишком.

Пит расправил раздавленный пакет и начал всматриваться в сморщенную фотографию с текстом.

– Тебя украли больше десяти лет назад из торгового центра в Нью-Джерси, Дженни. Чего ты здесь делаешь?

– Именно. Почему не бежишь в полицию? – усмехнулась Адаир.

– Она просто не хочет читать вслух сочинение, вот и пытается найти отговорку, – предположил Джейсон.

– Да нет, просто хочет отвлечь нас от того факта, что мое молоко выпила, – заметила Сара-Шарлотта.

Прозвенел звонок, и сидящие вокруг начали бросать мусор в стоящий поблизости огромный мусорный контейнер с вставленным в него черным целлофановым пакетом, но большинство промахивалось. Убегая от работниц столовой, расставлявших свои пухлые руки, чтобы задержать ребят, все бросились в класс, так и не подняв мусор с пола.

Дженни держала в руке пустую упаковку из-под молока и смотрела на фотографию маленькой девочки.

«Меня украли», – пронеслось у нее в голове.

II

Дженни поняла, что тело способно функционировать без ее участия. Она полностью ушла в свои мысли, рылась в собственной памяти, словно маленький ребенок, просматривающий энциклопедию в поисках нужного заголовка: «Джейн Элизабет Джонсон. Похищение». Тело, голос, даже улыбка – все работало, все было в порядке (на шестом уроке она умудрилась ответить на пару вопросов по биологии).

«Подумать только, – размышляла она. – Я совершенно не нужна собственному телу».

У нее было ощущение, что мозг полностью отключился, а тело функционировало само по себе. При этом голова гудела, словно в ней крутилась вертушка с разноцветными лопастями. Когда скорость уменьшалась, мысли становились отрывистыми, но более отчетливыми: «У меня есть мама и папа... Меня никто не похищал... Подобным могут заниматься только плохие люди... а я таких не знаю... мне это кажется, я все просто выдумываю».

Зато при увеличении скорости лопасти двигались так быстро, что цвета начинали ослеплять: «Нет, все-таки это моя фотография. Меня, Дженни Джонсон, похитили». Но это не могло быть правдой. Полная неразбериха. Она попыталась отмахнуться от мыслей и старалась осознать, где находится и что делает: сидела за партой и конспектировала.

Проблема в том, что от мыслей не удавалось избавиться. Сколько бы девушка ни говорила себе, что надо перестать об этом думать, все это – ерунда, они не поддавались. Казалось, ее засасывает в болото.

«Может, я действительно схожу с ума. Скорее всего, люди постепенно заметят мое состояние и отправят в дурдом».

Неожиданно она поняла, что уроки закончились.

Ее тело подошло к шкафу с вещами, выбрало нужные учебники, надело куртку, прихватило грязную физкультурную форму, чтобы постирать, и попрощалось с одноклассниками. Дженни двигалась медленно, словно человек, который внимательно следил за тем, куда наступает. Казалось, тело стало тяжелым и весило несколько тонн, словно в крови появилось настоящее железо. Школьный автобус уехал еще до того, как она успела выйти из здания школы.

Дождь лил как из ведра. Лазурно-золотой октябрьский день преобразился, по небу ползли черные тучи, из которых вырывались молнии. Казалось, небо было в ярости и хотело ударить кого-нибудь. Капли воды стучали по тротуару и по листве деревьев.

Она заметила приближавшийся автомобиль, который, казалось, вот-вот должен на нее наехать, хотя девушка и стояла на тротуаре. «Может, лучше отойти в сторону», – подумала она. Но ноги не двигались. Дженни стояла как вкопанная в ожидании, что через секунду окажется под колесами.

Машина остановилась в миллиметре от нее, боковым зеркалом задев ее джинсовку. Она по-прежнему была не в себе, поэтому не узнала ни джип, ни водителя.

– Скорее запрыгивай, пока совсем не промокла, – улыбнулся Рив.

Дженни медленно села в салон.

«Прекрасно, – пронеслось в ее голове. – Ко всему прочему меня парализовало и ослепило».

– Может, съездим на побережье? Посмотрим, не смыло ли дорогу, – предложил парень.

Он любил наводнения. Пару лет назад было такое сильное, что национальных гвардейцев отправили спасать семьи, проживавшие рядом с океаном. Рив умолял родителей купить небольшой домик на побережье, чтобы он мог из него наблюдать за потопами. Но те сказали, что чувствуют себя в большей безопасности там, где живут сейчас, в паре километров от набережной на пригорке. Тем не менее парень хранил в гараже старую, побитую байдарку – во время очередного наводнения он плавал на ней по затопленной улице.

– Такой дождь – просто счастье, – возбужденно произнес Рив. – Вселенский потоп, наверняка после него будет наводнение.

Девушка кивнула и повернула воздуховоды кондиционера в свою сторону, чтобы высушить промокшую одежду. Ее рыжие волосы потяжелели от воды.

– Можешь дать на минутку свой перочинный нож? – попросила она.

– Конечно, – Рив одной рукой отстегнул от ремня на штанах ножик, другой лихо управляя автомобилем.

Дженни никак не могла вынуть откидное лезвие, и, стоя на светофоре, парень помог ей. Она вынула из рюкзака пустой пакет из-под молока, который промыла в туалете на перемене между пятым и шестым уроками. Потом разрежала его, аккуратно распрямила, открыла синюю папку с материалами для уроков английского языка. На одной из обложек расположился планшет-блокнот с зажимом – с его помощью она закрепила расплющенный пакет фотографией внутрь. На нем крупными буквами было написано: «Ваш местный молокозавод “Флауэр” обслуживает населенные пункты вдоль побережья».

– Забавное у тебя хобби, – удивился Рив. – В наши дни немногие коллекционируют пакеты из-под молока.

Дженни думала о словах Пита про родителей, которые забирают детей без ведома друг друга.

«Что же тогда получается? Значит, кто-то из моих не является настоящим родителем? А настоящие папа или мама ищут меня уже двенадцать лет».

Рив смотрел, как волны Атлантики бьются о песок пляжа. Парень был очень симпатичным и, казалось, собрал понемногу от каждого из членов семьи. Улыбался так же, как его брат, а румянец на щеках был совсем как у сестер. Сейчас он морщил лоб и кривил рот, недовольно гримасничая по поводу того, что дорогу не затопило, а ведь он так надеялся...

Рив развернул джип и поехал на смотровую площадку, известную среди подростков под названием Парная остановка, потому что по ночам там можно было наблюдать, как обнимаются разные парочки. На востоке простирались океанские просторы, а на западе располагалась бухта с причалами, где были пришвартованы лодки. Там сустились люди, вынимая судна из воды на зимнее хранение. Даже сквозь завывания ветра Дженни различала часто повторяющийся хлопающий звук, отдаленно похожий на аплодисменты. Он был не похож на бьющиеся о причал волны или корабельные снасти.

– А что это за звук? – спросила девушка, радуясь про себя, что, по крайней мере, не оглохла.

– Флаги, – ответил Рив.

На всех кораблях развевались американские флаги. Они были прикреплены к заправочным помпам и докам, и ткань громко хлопала на сильном ветру.

– Хм... Мне кажется, я сам похож на флаг, – добавил он.

– В смысле разноцветный?

– Нет, в смысле как большой флаг, который треплется на ветру, а на нем надпись: «Ты глупый». Сестры, брат, родители – никто, конечно, прямо в лоб не говорит, но про себя сопоставляют мои оценки по предметам и оценки «Академического оценочного теста», думают о колледже и приходят к выводу, что я тупой.

– Это не так, – запротестовала Дженни, хотя понимала, что все не так просто. Она обожала Рива, но чуточку мозгов ему б точно не помешало.

– Родители не возили меня смотреть общаги и студенческие городки, – продолжал он. – Не организовывали мне интервью, вообще ничего. На Меган, Лиззи и Тодда – на каждого потратили по году, чтоб продумать, в какой колледж их отправлять, взвешивали все «за» и «против». А на мне уже сейчас крест поставили. Родители даже не орут. Ты знаешь, что твоя мать сказала моей?

– Нет, – честно ответила Дженни, потому что мама действительно ей не рассказывала. Хотя теперь может оказаться, что та, кого она считает собственной матерью, таковой не является.

«А действительно ли она моя родная мама? – крутилось у девушки в голове. – Или, может, это вторая жена отца и они меня украли у настоящей? Или, наоборот, папа ненастоящий? И они даже и не женаты...»

– Что, по крайней мере, можно гордиться Меган, Лиззи и Тоддом, а моя ей ответила: «В общем-то, да, трое из четырех – не так уж плохо».

«А еще у моих родителей не рыжие волосы, – размышляла тем временем Дженни. – И смеюсь я непохоже, форма ногтей совсем другая...»

– Ужасно, что они подобное говорили, – ответила она Риву.

– Мне повезет, если я попаду хотя бы в муниципальный колледж, – заметил Рив. Он покрутил настройки «печки», включил и выключил «аварийку» и покопался среди лежащих в салоне аудиокассет.

– Зато у тебя есть этот отличный автомобиль, и ты умеешь водить, – произнесла Дженни, понимая, что для друга, который хотел быть таким же талантливым и успешным, как сестры и брат, наличие машины не очень утешительно. Но ей хотелось подбодрить парня.

Она снова открыла папку и посмотрела на фотографию, после чего пришла к выводу, что лицо на фотографии точно было ее собственным. До этого момента она не читала имя под фотографией и сейчас решила это сделать.

Дженни Спринг.

Цветная вертушка в голове перестала вращаться, и лишь эхом отдавалось: «Дженни Спринг, Дженни Спринг, Дженни Спринг...»

– Чего там у тебя? – поинтересовался Рив и протянул руку посмотреть, что она скрывала. Девушка отдернула папку.

– Не надо.

Он очень удивился, но руку убрал, словно она прятала в папке скорпиона.

Ребята быстро выехали со смотровой площадки, разбрызгивая шинами воду из луж. Рив резко переключал скорости, машина с ревом неслась в сторону узкой дороги, ведущей вдоль пляжа. Он сознательно заставлял автомобиль скользить то одним, то другим боком, гнал на максимальных оборотах, мотор ревел. После они выскочили на трассу. С каждого светофора он стартовал как можно быстрее.

Девушка прикоснулась к своему ремню безопасности, чтобы проверить, хорошо ли он застегнут. На месте Рива она бы тоже наверняка страшно злилась. Когда парень выскочил на встречу, чтобы обогнать автомобиль, Дженни снова перевернула пакет, чтобы взглянуть на фотографию. Под ней были напечатаны имя, фамилия, день, когда ребенок пропал из Нью-Джерси, а также бесплатный номер, по которому надо было позвонить в случае обнаружения.

«Странно, – думала она. – Я ведь действительно всегда чувствовала себя моложе Сары-Шарлотты и Адаир. Если на пакете напечатан мой день рождения, то я моложе на год. Мне еще рано получать водительские права».

Но с другой стороны, все это просто смешно. У нее же была семья, причем совершенно нормальная. Родители ее любили, и она любила их.

– Послушай, у меня нет никакого желания возвращаться домой. Ты не против? – спросил Рив. По его тону было понятно, что с ним надо или соглашаться, или идти домой пешком. Но ей тоже не хотелось домой, так что на данное предложение она была согласна.

– Давай съедим мороженого, – предложил Рив, резко развернулся, подрезав пикап, который мог протаранить его автомобиль в бок.

Водитель той машины совершенно справедливо с негодованием посигналил. Дженни с извиняющейся улыбкой повернулась к нему и приветливо помахала рукой. Тот улыбнулся. Она помотала гривой своих рыжих волос, и мужчина улыбнулся еще шире.

«А я все-таки молодец, – подумала она. – Как хорошо решила проблему. Теперь тот водитель не злится на Рива».

– Проблема в том, что у меня нет денег, – сказала она. – И мне нельзя мороженого.

«А если меня действительно зовут Дженни Спринг?»

– Я заплачу. Я видел, что ты во время обеда пила молоко, так что правило уже нарушено.

«Хм... Он видел, как я пью молоко Сары-Шарлотты, – подумала она. – А я его выпила через какое-то время после того, как мы поздоровались. Значит, он на меня смотрел. Или, по крайней мере, посмотрел второй раз».

Они пошли за мороженым, минуя нескольких ребят, которых видели, но лично знакомы не были. Все посмотрели на них и явно сделали выводы. Дженни не была уверена в том, что они бы ей понравились. Это не было свиданием.

Рив заказал две порции мороженого: один шарик ванильного и один ментолово-шоколадный, все было полито карамелью. Когда ребята были детьми и вместе с мамами ходили в торговый центр, она заказывала просто ванильное, политое кремом со вкусом сливочной ириски. С тех пор много воды утекло, сейчас ей уже запретили есть мороженое. Но Дженни тронуло, что он запомнил, какое ей нравилось.

Рив заговорил об отметках за первый триместр – их должны были выставить через пару недель. Он рассказывал об ужасе провала в выпускном классе, о том, что придется пойти учиться в какой-нибудь паршивый колледж, в то время как Меган, Лиззи и Тодд ходили в такие крутые. А также о том, как плохо ему в школе.

Официантка принесла их заказ гораздо быстрее, чем обычно. Дженни поблагодарила ее и посмотрела на свое мороженое.

Внезапно произошло что-то совершенно неожиданное. Кафешка, в которой они находились, закружилась у нее перед глазами и исчезла – зато появилось совсем другое, тоже кафе, но незнакомое.

Девушка почувствовала, что сидит на высоком крутящемся барном стуле и держится руками за стойку. Ноги не доставали не только до пола, но даже до подставки для ног на самом стуле. Дженни была маленькой. Она крутилась сначала в одну сторону, а потом в другую, рассматривая белые носки, украшенные тоненькой полоской кружева.

Рядом расположилась женщина с длинными прямыми волосами, рассыпанными по спине. Они были такими красивыми, что их хотелось потрогать. Незнакомка держала ладонь в воздухе за спиной Дженни, чтобы та не свалилась со стула. Перед девочкой стояло сливочное мороженое со взбитыми сливками и торчащей из них вишенкой – она сначала съела свою ягоду, а потом из мороженого женщины. Обе смеялись, после чего обнялись.

Потом почувствовалось дуновение теплого ветра – они вышли на улицу и остановились на парковке, наверное, самой большой в мире, а ее белое платье в черный горошек развевалось на ветру...

– Дженни, – озабоченно позвал Рив, – все в порядке?

У нее пересохло во рту, а руки казались ледяными. Девушку трясло, и эта тряска передалась на маленький столик, за которым они сидели. Друг явно выглядел испуганным и озабоченным.

– Ты болеешь? Может, у тебя грипп? – спросил он, после чего вытянул вперед руки, словно хотел ее остановить. – Или реакция на молоко? У тебя сердце не остановится, ты не задохнешься? – он понял, что говорит слишком громко, потому что на них начали смотреть окружающие. – Дженни? – Парень взял ее ледяные ладони, и ей показалось, что пальцы Рива горячие, как раскаленная печь.

– Все в порядке, – ответила она. – Просто голова закружилась.

Дженни умела контролировать собственные фантазии. Тем более всегда сама придумывала все, что было связано, например, с Деним и Лейс, каждую деталь, чтобы ей нравилось. Но еще никогда в жизни не было грез наяву, которые разворачивались бы сами по себе и были больше похожи на кошмары. Эти ужасы выплыли из ее головы, словно монстры в ночи. Точно! У нее был кошмар наяву. Девушку продолжало трясти мелкой дрожью.

– Мне не стоит есть это, – произнесла она.

Кошмар прошел, тело внезапно стало ватным, словно все силы вмиг ушли. Женщина, барный стул, платье в горошек, порыв теплого ветра – все это постепенно исчезало из головы.

«Видимо, мне просто скучно живется, – подумала Дженни. – Наверное, в глубине души я злюсь на скуку так же сильно, как Рив на то, что он глупый. Мои родители совершенно точно настоящие. Никто меня не выкрадывал. И не было никакого платья в горошек».

– Можно нам взять это с собой? – попросил Рив официантку, показывая на порцию подруги. – Ей нездоровится.

– Все растает, – возразила официантка.

«Вот именно, – подумала Дженни. – Лучше бы сказала то, чего мы не знаем».

III

Родительских машин перед домом не было. Отец в такую погоду точно не сможет провести тренировку, так что должен вернуться с минуты на минуту. Мама работает волонтером в местной больнице два раза в неделю.

Подъезды к домам Рива и Дженни разделяли редкие кустики. В них постоянно сдавали задом Меган, Лиззи, Тодд, а теперь и младший. Всего несколько часов до этого девушка и сама надеялась, что будет делать то же самое в процессе учебы.

– Ты уверена, что у тебя все в порядке? – спросил он. – А то я могу попросить маму, чтобы она с тобой посидела.

– Не говори ерунды, – закатила глаза Дженни. Стало понятно, что она отказывается от предложения, и оба рассмеялись.

Если мама Рива о ком-нибудь заботилась, все было очень серьезно: постельный режим, куриный бульон, взбитые подушки. В школьной анкете надо было указывать телефонный номер для связи в случае чрезвычайной ситуации: Дженни писала ее номер, а сам Рив – номер мамы Дженни. На самом деле, когда девушка болела, с ней часто сидела именно она, массируя спину и читая вслух длинные главы из толстых книжек. Но проблема была в том, что во время болезни Дженни предпочитала, чтобы ее оставили в покое в теплой постели.

«Не может быть, чтобы меня украли, – снова пробежала мысль в голове. – У меня такие прекрасные соседи, не говоря о родителях».

Она выскочила из машины под проливной дождь, бросилась к боковой двери дома и вставила ключ в замочную скважину. Дверь выходила на лестничный пролет между кухней и подвалом, где находились белая стиральная машина и сушилка.

На кухонном столе Дженни увидела стопку почты, большой обернутый коричневой бумагой пакет с адресом Армии спасения и оставшиеся после завтрака грязные тарелки.

Она соскребла остатки еды в мусорное ведро и поставила тарелки в посудомоечную машину, но включать ее пока не стала, потому что внутри было еще много свободного места. На холодильнике под небольшим магнитом висела записка, написанная аккуратным почерком: «Дорогая, не забудь, что у нас вечером занятие. Буду к ужину, люблю, мамочка».

Дженни уже много лет не звала ее «мамочкой», хотя папу до сих пор называла «папочкой».

«Какое еще занятие?» – задумалась она.

Потом прошлась по дому, прикасаясь к разным предметам. Ее мама любила яркие и насыщенные цвета. Диван, например, был темно-синего цвета, как глубокое море, в которое так и хотелось нырнуть. В столовой две стены были стеклянные, а одна – ярко-красная. Единственное украшение в комнате висело на стене – фотография Дженни в двенадцатилетнем возрасте. Тогда она была подружкой невесты на свадьбе: девочка на снимке слегка наклонилась и со смехом придерживала на голове тиару из цветов. Ей самой портрет не нравился. В тот момент у нее еще не было брекетов, поэтому неровные зубы сильно выделялись. Родители же от этого фото были без ума.

«Как тебе тогда нравилось это платье, – вспоминали они, глядя в глаза девочке на фотографии, словно та была живой. – Как ты тогда радовалась и гордилась тем, что была на свадьбе, танцевала с женихом и лечь спать разрешили под утро».

Дженни поднялась в свою комнату. Вдоль лестницы висело еще много ее фотографий. Родители не любили семейные фотоальбомы, поэтому украсили снимками стены. Вот девочка на пляже, катается на лыжах, в форме скаута, а вот в своем первом длинном платье, на Гранд-Каньоне, во время урока гимнастики, во время церемонии вручения наград в средней школе,

на «дорожке» во время показа мод, организованного в рамках благотворительного вечера местной больницы.

«Боже мой! – подумала она. – Я совсем сошла с ума. Придумываю, что меня украли! Сколько доказательств того, что у меня такие любящие родители: чистая одежда, записка на холодильнике, столько фотографий...»

Тут она вспомнила, какое занятие имела в виду мама – кулинарное. Миссис Джонсон решила, что у них должно быть какое-то общее занятие, и из всех возможных вариантов выбрала украшение тортов. До этого они безуспешно пробовали заниматься вышиванием, созданием лоскутных одеял и вязанием. Мама была уверена, что, как и многие другие женщины, они с Дженни могут найти творческое применение рукам.

Но единственное применение сама девушка пока находила только в том, чтобы красить ногти и набирать телефонные номера.

... телефонные номера...

На пакете из-под молока был бесплатный номер. «Если увидите этого ребенка...»

Она замерла прямо на лестнице и начала медленно крутить головой из стороны в сторону – шея неожиданно затекла, а взгляд настойчиво впивался в висевшие на стенах фотографии. Среди этих не было ни одной из младенчества и совсем раннего возраста. Она уже спрашивала родителей, и те объяснили, что купили фотоаппарат, только когда Дженни исполнилось пять лет.

На самом деле, чтобы сделать фотографию, совершенно необязательно иметь собственный фотоаппарат. Во многих детских магазинах и в самых обычных универсамах работали фотографы.

«Дженни Спринг. Украли в торговом центре в Нью-Джерси в трехлетнем возрасте».

«Должна же я что-то помнить, – размышляла она. – Все-таки у человека должны сохраняться какие-нибудь воспоминания даже из столь юного возраста. В конце концов, Дженни Спринг украли в три года, а не в три месяца».

Она вошла в комнату, которая была самой большой в доме. У каждого из родителей был собственный небольшой рабочий кабинет, а спали они в маленькой спальне, поэтому ей и досталась большая. Дженни всегда с огромным энтузиазмом бралась за какое-нибудь новое хобби, чтобы спустя несколько месяцев к нему охладеть, а потом и окончательно забросить. Полки и стены спальни являлись тому прекрасным доказательством. Тут был плакат с изображением гимнастки в те времена, когда ей нравились кувырки и упражнения. Девушка получала призы за участие в конноспортивных состязаниях – с четвертого класса практически дневала и ночевала в конюшне. Потом решила стать флейтисткой, и на пюпитре, который родители купили на прошлое Рождество, лежали ноты, по которым она уже давно не занималась.

Дженни не разделяла энтузиазма матери по поводу ярких и насыщенных цветов, в особенности красного и синего. Когда ей было четырнадцать, комнату оформили в гамме слоновой кости с добавлением бледно-розового и сиреневого. Покрывало она выбрала с кружевными вставками различных текстур и оттенков. Оно было слишком нежным и тонким, чтобы на нем лежать, поэтому девушка свернула его в трубочку, положила на пол у кровати и легла на шерстяное одеяло темно-розового цвета. Казалось, все тело одеревенело. Матрас под ней прогнулся, а позвоночник так и оставался прямым, как палка. Она приказала себе расслабиться, и постепенно плечи, потом шея и только после этого челюсть немного пришли в себя. И вот наконец все тело легло на пружинистый матрас.

Дженни активно начала перебирать воспоминания, словно карточки каталога библиотечных книг. Ничего нужного в памяти пока не обнаруживалось.

И тут неожиданно она натолкнулась на безумно яркое (совсем не темное или страшное) воспоминание... такое приятное... хорошее.

«Там есть кто-то еще».

Она резко вздрогнула от того, что внутри обнаружила маленькую девочку, которая отчаянно стремилась вырваться наружу.

Дженни облизала пересохшие губы. Тишина в доме показалась ей невыносимой. Она вскочила с кровати, сбежала вниз по лестнице, открыла боковую дверь и побежала в дом семьи Шилдс.

С ними ее семья была в настолько хороших отношениях, что девушка даже не стала стучать в дверь – просто открыла ее, крикнула «Привет!» и вошла внутрь. Миссис Шилдс смотрела сериал «Лесси».

– Не знаю, – произнесла женщина. – Может, конечно, что-то со мной не так, но я обожаю смотреть старые черно-белые сериалы. От них остается чувство полной безопасности.

«Безопасности...» – повторила Дженни про себя.

– Почему ты говоришь о безопасности? – послышался голос Рива, который вошел в комнату с учебником по физике в руке.

Ее удивил непривычный вид друга с учебником в руке.

– Тимми и Лэсси постоянно кого-нибудь спасают: то от лесного пожара, то из болота, то от поезда без машиниста, – ответила Дженни.

– Например, у себя на кухне я точно в полной безопасности, – заявила миссис Шилдс. – Здесь у меня всегда все в полном порядке. Попробуй шоколадное печенье, дорогая.

– Не стоит, – предостерег Рив. – Она добавила туда отруби и овсянку. Тимми никогда не стал бы кормить собаку овсянкой с отрубями, – добавил он, имея в виду героя сериала.

Тем не менее сам он взял пару больших печений и плюхнулся на стул. Рив был одним из тех парней, которые не умели спокойно сидеть, с ним в процессе обязательно что-нибудь случалось. Например, мог упасть, ломая при этом ножки стульев и спинки диванов. Его мама и Дженни были готовы, что он обязательно окажется на полу... Но на этот раз все прошло гладко.

– Миссис Шилдс, скажите, а давно вы здесь живете? – спросила Джейн.

– Ох, дорогая, всю жизнь. Я родилась в этом городе.

– Я имею в виду дом.

– Двадцать восемь лет. Мы купили его после женитьбы.

– А вы помните, когда мы сюда переехали?

– Конечно. Ты была самой красивой пятилетней девочкой, которая когда-либо жила у нас на Ромни-роуд. А твоя мама была очень строгой. Она на меня сильно повлияла, в хорошем смысле, – женщина улыбнулась, вспоминая прошлое.

– А почему? – спросила Дженни. Она откусила кусочек печенья, но не могла заставить себя его прожевать. Тесто и отруби лежали на языке, грозя встать комом в горле.

– Потому что ты плохо себя вела, – вставил Рив.

Миссис Шилдс с сыном рассмеялись.

– Ну что ты, Дженни всегда была милой, хорошей, послушной и вежливой, – поправила его мама.

«Интересно, почему я была такой пайнкой? – думала девушка. – Может, боялась? Если меня украли, я должна была бояться именно их, а не других людей».

Миссис Шилдс посмотрела в экран телевизора. Там показали маму Тимми, на которой был надет фартук. В старых фильмах подобные сцены часто встречались.

И тут с Дженни снова стало происходить что-то странное. Кошмар навалился с такой силой и неожиданностью, словно только что в доме проломило крышу и она приземлилась прямо на ее плечи.

Фартук.

Фартук был белым и тяжелым, словно сшит из парусины. На нем был карман, в который мама клала маленькие твердые конфетки, чтобы Джейн могла протянуть свою детскую ручонку и вынуть сладости, обернутые в шуршащий целлофан.

«Но мама не носит фартуков...» – подумала она.

– Сейчас жизнь совсем не такая, как тогда, – задумчиво произнесла миссис Шилдс. – Слишком много опасностей, и нет Лэсси, чтобы спасти людей. Дженни, ты знаешь, матерям сейчас снятся кошмары о том, что может произойти с их детьми. Ведь есть риск утонуть в бассейне у соседей или сломать позвоночник во время игры в футбол. Я уверена, у всех хоть однажды был кошмар о том, как их ребенка сбивает машина или крадут, когда отвлекаешься на секунду. А твоя мама просто всегда за тебя боялась, понимаешь?

– Почему? – спросила Дженни и заставила себя проглотить кусочек печенья. Рив совершенно неожиданно превратился в заботливого хозяина и предложил ей бутылку содовой.

– Для этого не нужны особые причины, – ответила женщина. – Наверное, потому, что ты была единственным ребенком. У меня до Рива было трое, поэтому я уже успела напереживаться и теперь не волнуюсь по поводу него – слишком много думала по поводу остальных.

Миссис Шилдс и Рив начали шутливо обсуждать, сколько волнений он доставил ей за свои семнадцать лет и сколько еще может доставить в последующие годы.

Дженни осталась у них до конца серии «Лэсси». Финальная сцена эпизода происходила на кухне, где Тимми выпил стакан молока. Никто в старых сериалах не поил детей колой. Финал был счастливым, все обнимались, а собака громко лаяла и виляла хвостом.

– О боже, я опоздала! – воскликнула мама, резко открыв входную дверь. Она никогда не входила через боковую дверь, потому что любила главный вход с большим коридором, элегантными зеркалами и прекрасной мебелью, через который попадала в гостиную. – Ты случайно не начала готовить ужин? Помнишь, что сегодня мы занимаемся украшением тортов? Нам выезжать через полчаса. Что есть в морозилке? Можем что-нибудь разогреть. Ты сделала домашнюю работу? Какие оценки в школе?

Она обняла Дженни и несколько раз поцеловала в щеку.

– Папа уже вернулся?

– Нет.

Девушка смотрела на маму, пытаясь представить ее в виде человека, крадущего в торговом центре чужих детей. Но не получилось. Она могла представить, что ее мать создает фонд для оплаты обучения в колледже своей дочери. То, что эта женщина могла украсть ребенка, совершенно не укладывалось в голове. Тем более она всегда была вежливой, изысканной, любила, чтобы общение с дочерью происходило по всем правилам хорошего тона.

– Не люблю я, когда приходится уезжать из дома вечером, не увидевшись с ним. Ужасно, что мы не можем вместе поужинать. Я читала на днях, что во многих семьях Америки все теперь едят по отдельности – перекусывают на бегу, обходятся куском пиццы или блюдом, разогретым в микроволновке. Так грустно, что члены семьи больше не собираются на ужин за одним столом. И мы стали точно такими же. Не хочу быть такой, как остальные.

«Мы в любом случае не такие, – пронеслось в голове Дженни. – Ты же меня выкрала».

Миссис Джонсон была элегантно одета. Она повесила на плечики свое ярко-красное шерстяное пальто и сняла туфли на высоких каблуках. У нее были длинные ноги с узкой стопой, и женщине всегда было непросто купить подходящую обувь нужного размера и формы. Ноги Дженни были короткими, а ступни – широкими.

«Мы совершенно непохожи, – размышляла девушка. – Чем это объяснить? Тем, что у нас разные гены? Тем, что она мне не родная?»

Она заставила себя подумать об Адаир О'Делл, которая была высокой и худой. При этом ее мать была толстой и неряшливой особой, детьми которой, казалось, могли быть только невразумительные недотепы. И такое встречалось достаточно часто, так что внешнее сходство не имело большого значения.

В этот момент через боковую дверь в дом влетел отец, полный энергии.

– Прекрасная команда! – громко заявил он, после чего крепко обнял супругу. Дженни обычно подбегала к нему, чтоб обнять, но на этот раз почувствовала, что сделала всего полшага в его сторону. – Обожаю этих ребят, они так выкладываются! Из-за дождя пришлось тренироваться в зале. Главного физрука я просто не переношу, а вот уборщик мне нравится, и он мне всегда помогает. Поскорее бы следующая тренировка. Какой у них громадный потенциал! Сегодня едим пищу из микроволновки? Вы куда собрались? Я что, даже не поговорю с моей дочуркой? – Он сделал вид, что обводит ногами футбольный мяч около ступней Дженни.

– Папа, перестань, – попросила она.

– Чего ты смущаешься, когда здесь нет никого, кого можно стесняться? Вот что: я то же самое исполню, когда рядом будут твои друзья, просто так, для сравнения.

– Ну спасибо.

– Мы едем на курс по украшению тортов, – объявила мама.

– Думаешь, это подходящий курс для человека, который, как ты, помешан на собственном весе? – спросил отец.

– Я же не собираюсь их есть, – заявила мама.

– Понятно, – сказал отец. – Тогда ешьте ваш замороженный фастфуд, а я приму душ и приготовлю себе настоящий ужин. Люблю вас. Успехов! Привезите мне кусочек торта, и чтоб глазури побольше, – произнеся это, он начал стремительно подниматься по лестнице.

«И говорят гораздо больше меня, они находятся в постоянном диалоге. Мне же больше нравится слушать, чем говорить».

Курсы проходили в столовой при бассейне. Когда Дженни с мамой пришли, в нос ударил знакомый запах хлорки и пота.

– Помнишь свои занятия плаванием? – спросила миссис Джонсон. – Слава богу, ты охладела к ним. Мы с другими матерями часами сидели в ожидании окончания тренировки. Во время соревнований было совершенно невозможно определить, где ты, да и заканчивались заплывы через пару минут после начала. Какое я испытала облегчение, когда ты начала ездить на лошадях. Кстати, не хочешь снова этим заняться?

– Точно захотела бы, если бы знала, что в качестве замены ты предложишь этот курс, – ответила Дженни. – Mam, мне совершенно не хочется заниматься этими тортами.

– Ну, мы же не собираемся их есть. Это не о том, как пекут торты, а как их украшают.

Они поднялись по лестнице на кухню, на которой днем готовили еду для нищих (сюда мама еще не устроилась волонтером, но, вполне вероятно, скоро сделает это), а по вечерам сдавали под разные кулинарные курсы: японской, китайской, вьетнамской и французской кухни. По сравнению с ними курс украшения тортов выглядел устаревшим.

– Mam, но в них же масса калорий. Это опасное хобби для фигуры. К тому же ты сказала папе, что не собираешься есть.

– Я соврала.

Они рассмеялись.

Сюда пришло девять участниц. Дженни была единственной, кому еще не было сорока и которая не думала о весе.

– Мне здесь нравится, – прошептала мама. – За исключением тебя я самая худая.

Украшать они учились не на самих тортах, а на картонке, куда выдавливали глазурь из тюбиков, бумажных конусов и тряпичных пакетов: делали цветы и ленточки. У Дженни не получалось делать это равномерно, поэтому цветы выходили кривые.

– Какие-то они увядшие, – заметила мама.

Преподавательница снова показала, как правильно выдавливать. Дженни наклонилась поближе, чтобы лучше рассмотреть все действия, но неожиданно у нее снова начались видения наяву. Она подумала, что сейчас упадет лицом в глазурь и опозорится перед всеми.

Все в этом кошмарном видении было белым: белые цветы, белые взбитые сливки, белое мороженое. Красивая женщина, вращающийся барный стул у высокого стола. Белые ботиночки: малюсенькие и блестящие. Мы покупали обувь. Интересно, кто это «мы»? И кто я?

– Теперь ты попробуй, – сказала ведущая курса и положила тубик Дженни в ладонь.

Она попыталась сделать цветок. В тубике не было белой глазури, вместо нее вылезла тонкая синяя полоска. Девушка с удивлением уставилась на муляж торта и поняла, что пока она витала в облаках, все переключились на надписи, поэтому дрожащей рукой вывела: «С днем рождения».

«Когда эта девочка родилась? – подумала она. – Когда родилась Дженни Спринг? Может, ее день рождения – это и мой день рождения?»

IV

Она спала хорошо и крепко. Вспомнить, снились ли ей сны, не смогла. «Странно все это, – подумала девушка после пробуждения. – После всего произошедшего я ждала каких-то кошмаров». Дженни потянулась и вылезла из кровати.

Ей очень нравились пижамы и ночные рубашки. Когда было «пижамное» настроение, она частенько не могла выбрать, что надеть: фланелевую, короткую шелковую или хлопчатобумажную с кружевами. В последнее время ей полюбилась длинная ночная рубашка из плотной, как у толстовки, ткани.

Дженни стянула ее через голову и посмотрела на свое отражение в зеркале. Ей нравилось собственное тело.

В окно ярко светило солнце. Лучи попали на маленькие призмы, которые у нее остались со времен какого-то проекта в начальной школе. По стенам запрыгали миниатюрные радуги. Девушка протянула руку и «поймала» одну ладонью.

На столе расположилось несколько словарей, которые ей подарили на прошлое и позапрошое Рождество. Их она открывала крайне редко. Но сейчас решила это сделать, поэтому взяла в руки толстый синий том и посмотрела значение слова «кошмар». Оно происходило из французского языка, точнее, двух: *caucher* – «давить» и *mare* – «ночное привидение». Потом посмотрела словосочетание «сны наяву» и узнала, что это сновидение, которое посещает нас днем, во время бодрствования.

«Привидение, – повторила она. – Вот, оказывается, в чем дело. Скорее всего, какое-то привидение или демон подсовывает мне эти кошмары, только дневные, ради шутки».

В школе мальчишки любили подурачиться. Да и она была не против, хотя предпочитала смотреть, а не участвовать. Больше всего ей нравилось подзадоривать друзей на всякие шалости, потому что в этом случае ничем не рисковала, если их поймают.

Как-то Питер принес огромный моток клейкой ленты. Естественно, ребятам захотелось что-нибудь с ней сделать.

– Давайте заклеим Саре-Шарлотте рот, – со смехом предложил Джейсон.

– Давайте приклеим крышки к ведрам для мусора, чтобы никто не смог их открыть, – ответила Адаир.

– Или приклеим косички Эллен Винтер к спине! – воскликнул Джейсон. Никому в ее классе она не нравилась. Бедняжке даже некого будет попросить отклеить волосы.

– Нет, лучше приклеим волосы Дженни! – снова заговорил Джейсон. – Тогда во время обеда мы сможем сидеть спокойно! Просто намотаем ленту вокруг ее головы, чтобы волосы никуда не лезли.

Дженни, закрывая голову руками, завизжала от радости и от ужаса одновременно. Она уже подумала о том, что, наверное, стоит натянуть подол свитера на голову и с визгом убежать по коридору. Но ее спасла подруга: Сара-Шарлотта представила, что может произойти с Дженни, и вздрогнула от ужаса.

– Нет, не надо! Когда ее будут отдирать, она волос лишится! Ты просто садист! Уведите и запируйте его где-нибудь, он совсем с ума сошел.

– А мне нравятся спятившие, – заметила Адаир.

– Я знаю! – вдруг воскликнул Пит. – Склеим вместе парты.

– Что?

– Пойдем в крыло, где классы девятиклассников. Они все сейчас на обеде. Развернем столы, поставим их один к другому, чтобы никто не мог под парту стул задвинуть, и примотаем друг к другу лентой.

– Гениально! – покачала головой Сара-Шарлотта. – Это будет им чудесным подарком. Представьте, как долго придется их расклеивать.

В наступившей тишине каждый из ребят пытался представить, будет ли полученное удовольствие стоить наказания, которое можно заработать, если тебя поймают. Они взвешивали все «за» и «против»: то ли они окажутся мудрыми и спокойными учениками, то ли трусами, если не выполнят этот дерзкий план.

Адаир на следующей неделе назначили экзамен по теории вождения, так что получить наказание ей не особо хотелось.

– Может, не будем этого делать? – умоляющим тоном произнесла она. – Лучше поспрашивайте меня про тормозной путь.

Дженни открыла правила, которые подруга носила с собой, и начала зачитывать девушке вопросы по теме. Адаир правильно ответила на каждый. Судя по всему, она выучила все наизусть.

– Я ужасно боюсь забыть что-нибудь из документов, которые надо иметь при себе для экзамена, – взволнованно сказала Адаир. – Вдруг мне права не дадут, если я забуду принести свидетельство о рождении?

– Ну, если ты что-нибудь забудешь, тогда мы все пойдем, какая плохая у тебя память, – заявил Джейсон. – А раз так, ты не заслуживаешь брауни, поэтому давай его сюда.

Дженни внезапно вздрогнула.

«Ну вот, мало того что я не могу контролировать свои мысли и кошмары, так еще и тело ведет себя непонятно», – разозлилась она.

– А разве для получения прав нужно свидетельство о рождении? – спросила девушка. Она почувствовала, что грудь будто сдавило, а в животе начало крутить.

«Нет! Нет! Нет! Не хочу ничего знать, – решила она. – Потому что... почему? Неужели в глубине души я уже все знаю? Разве я об этом не догадывалась? Вообще, как можно забыть настоящую семью и момент, когда ее у тебя отняли? Нет, это выдумки, это привидение, о котором я читала утром... Но почему же я холодею от страха?»

– Три формы удостоверения личности, – ответила Адаир. – Я возьму свидетельство о рождении, карточку социального страхования и паспорт.

Джейсон неожиданно рассмеялся.

– Помню, как я впервые увидел свое свидетельство о рождении, – начал он рассказ. – На нем была специальная тисненая печать золотом, все выглядело так официально. Смотрю и вижу, что дата моего рождения не сходится. Я был в шоке. Подумал сначала, что я – это кто-то другой, приемный, или в роддоме подменили. Аж руки вспотели.

Во рту Дженни стало так сухо, что она не смогла ничего больше спросить.

– Но оказалось, – продолжил Джейсон, – что там две даты: день рождения и день регистрации ребенка, которая делается спустя несколько дней. И я просто не на ту дату посмотрел.

Девушка почувствовала, что она тает, как мороженое на солнце, силы ее покинули. Может ли воображение оказать на нее разрушающий эффект и свести с ума? Она никогда не видела сумасшедших.

«Люди же не по собственному желанию сходят с ума, – думала она. – Это происходит, как с асфальтовой дорогой, которая разрушается от заморозков и оттепели».

Ей казалось, что она обеими руками держится за свой здравый смысл, словно за сумочку, когда идешь в толпе.

Рив не подвез ее до дома, поэтому она поехала на автобусе. Дженни решила выйти пораньше, чтобы немного пройтись.

Она жила в районе, где архитектура была весьма разнообразной – все здания были разными. Раньше улица была застроена большими особняками с колоннами, украшавшими парадные входы. По обеим сторонам улицы росли огромные деревья. Постепенно между этими особ-

няками начали появляться современные виллы и домики в деревенском стиле. Ее семья жила в старом, но сильно перестроенном доме, в который добавили огромные стеклянные окна.

Дженни шла по заваленной опавшими листьями обочине. Их должны были убирать уборщицы, которые каждую осень появлялись со своими шумными «пылесосами», засасывающими и перемалывающими красную и золотую листву. Девушка не любила смотреть, как это происходит.

Она зашла в дом через боковую дверь.

– Мам!

– Я здесь, дорогая, – ответила та. Она сидела за своим рабочим столом, на котором стояли папки, лежали разные списки и документы, свидетельствовавшие о благородных делах, за которые боролась ее мать. – Как школа?

– Как обычно, ничего особенного.

– У меня был прекрасный день, – радостно сообщила женщина. – Мой лаосец совершил квантовый прыжок. Скоро я ему буду не нужна.

Кроме всего прочего мама преподавала английский. Одного из ее учеников, мальчика из Лаоса, интересовал только спорт, и он пытал ее бейсбольной терминологией.

– Мам, – начала Дженни, – для сдачи экзамена на права мне понадобится свидетельство о рождении. Можно на него посмотреть?

Рука мамы с карандашом, которым она заполняла какой-то формуляр, остановилась. Девушке показалось, что костяшки побелели, а пальцы плотнее и крепче обхватили карандаш.

– Дорогая, но это будет только через несколько месяцев.

– Я понимаю, но Адаир рассказывала о свидетельстве о рождении, и мне просто захотелось посмотреть на свое.

– Оно в банковской ячейке.

– Да? Так давай съездим в банк.

– Я сейчас очень занята.

– Тогда завтра.

– Завтра суббота, – быстро ответила мама. – Банки закрыты.

Дженни чувствовала себя, как палач, ведущий самого себя на казнь.

– Давай в понедельник.

– Джейн Элизабет Джонсон, не приказывай своей матери, хорошо? Ты можешь вежливо попросить, а не командовать?

– Почему ты не хочешь показать мое свидетельство о рождении?

Миссис Джонсон перевернула страницу записной книжки и уставилась в белый, пустой лист.

– Перестань, Дженни. Давай лучше чего-нибудь съедим. Чего тебе хочется? Я недавно ходила в магазин и купила много замороженной еды для микроволновки, которую мы еще не пробовали. А для тебя взяла замороженный фруктовый сок вместо мороженого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.